

**ЛЯМАН БАГИРОВА**

## **Внимание к людям. Павел Нилин**

### *Эссе*

Муха жужжала назойливо, билась в мутные окна. Очевидно, ей было очень скучно. Это была веселая летняя муха, неведомо как попавшая в крошечную библиотеку приморского пансионата. Да и кто заглядывал в нее?.. На полках сиротливо стояли книги, томились в своей пыльной тюрьме.

Я забрела туда случайно. Не потому, что очень хотела читать, но неистребимый дух любознательности, видно, отпущен мне был полной мерой. Мне было интересно все: от движения небесных светил до строения цветка, от кулинарных изысков до тихого шелеста книжных страниц.

Книга, которую я лениво, наугад взяла с полки, не была мне известна. И имя автора ничего мне не говорило. Павел Нилин, «Варя Лугина и ее первый муж». Название, во всяком случае, интригующее! Прочитала несколько строк и ... забыла и о пыльном воздухе, и о назойливо жужжащей мухе...

Не могу сказать, что Нилин поразил мое воображение так же, как Паустовский или Булгаков. Но если есть такое понятие, как «очарование безыскусности», то его в полной мере можно применить к Нилину. Он был, что называется, «нешумной славы человеком»...

И официальная биография его более чем скупа. Родился 16 января 1908 года в семье ссыльного поселенца Филиппа Данилина и его жены Марии. Образования не получил, сын Нилина – Александр – предполагал, что отец вообще не ходил в школу, а грамоте был обучен своей матерью, воспитательницей в детском доме. Заболевание в детстве полиомиелитом привело к хромоте.

Служил в уголовном розыске советской милиции в Тулуне под Иркутском.

С 1927 года работал журналистом, сначала в Сибири, потом в Поволжье, на Украине, и, наконец, в Москве.

Первые рассказы напечатаны в 1937 году в журнале «Новый мир» под фамилией Нилин. Роман о шахтерах Донбасса «Человек идет в гору» Нилин в 1939 году переработал в сценарий фильма «Большая жизнь».

Всеобщее признание пришло к Нилину благодаря повести «Жестокость» (1956), переработанной из рассказа 1946 года; речь в ней идет о борьбе с преступностью, становлении и судьбах молодых людей в 1920-е годы.

Член правления Союза Писателей СССР с 1971 года.

Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Это все, что говорят о нем официальные данные. Я же попытаюсь рассказать о нем так, как запомнилось, как легло на душу мне его творчество.

**\*\*\***

Есть писатели одной книги. Есть актеры одной роли. Это их вершина и их же Голгофа. Что бы они ни написали и ни сыграли до этого и впредь, их будут воспринимать именно как творцов одного образа. Недаром говорят: «У каждого – свой Чапаев». Проклятием стал Чапаев для Бабочкина, Шурик для Демьяненко, Штирлиц для Тихонова, «Муля, не нервируй

меня!» для Раневской, «Кофелек, кофелек» для Сададьского-Кирпича. Грибоедов был автором десятка произведений и, помимо того, великолепным пианистом и композитором, но в историю вошел лишь как автор «Горя от ума». Ершов прожил 54 года, написал много, а прославился благодаря своему первому произведению, написанному в 19 лет – «Коньку-Горбунку». Ярлык намертво прилипает к людям, врежется в них, как инталь в камень, и что бы человек ни сделал до него, что бы ни сделал после, ему не избавиться от проклятия клише. Некоторые мечтают о такой славе, способной сделать их имя нарицательным, некоторые чураются ее, как прокаженной. Но ни те, ни другие не могут избежать ее. У каждого своя страсть.

Перечитывая написанное Павлом Нилиным, находишь удивительное и почти исчезающее из современной литературы явление – внутреннюю меру точности, некий баланс, позволяющий произведению не скатиться в яму пошлости, фамильярного заигрывания с читателем, но и не вознестись на вершины отвлеченного мудрствования. Писатель, по своей миссии, всегда противопоставляет себя читателю и всегда стоит как бы чуть-чуть над ним. Но вовсе не потому, что обуреваем гордыней, а потому, что вообще-то писатель призван учить тому, «что такое хорошо». И это нормально, в этом есть порядок, просто некоторые писатели делают это чересчур навязчиво, а навязчивость всегда порождает протест и отвержение. Напротив, тихое, ненавязчивое слово всегда быстрее достигнет человеческого сердца, чем трубные звуки и бряцающие кимвалы.

В том языке словесности, который, по определению Гоголя, «не ищет слишком живых образов, картинности выражения, ни согласных сочетаний в звуках, предается естественному ходу мыслей своих в самом покойном расположении духа, в каком способен находиться всякий», – что же здесь является главным, трогательным, памятным сердцу?..

*«Иной раз я с грустью думаю, что в нынешнее время уже не ценится чистое, точное, выразительное письмо. Критики наши в большинстве случаев охотно пересказывают содержание романов и повестей своими, отнюдь не впечатляющими словами и редко разбирают, ощупывают, исследуют самую ткань сочинений. Отдают первенство идее произведения.*

*Но чтобы донести идею, нужна форма, увлекательное повествование. Талант от бога. А если бога нет? Тогда мастерство?*

*Вероятно, в интересах нации надо как-то оконтуривать хорошего писателя, т. е. выявлять его особенности и круг содеянного. Это полезно и для общества, и для живущего писателя».*

Так писал Нилин в 1970 году.

«Ткань сочинений» писателя, его «контур и круг содеянного» – и есть главное в его творчестве. Это его тема.

Тема определяется в самом начале творческого пути, она может по-разному освещаться, по-разному звучать, могут смещаться акценты, но тема – основа творчества, со-общающая ему стройность, плотность, цельность, – дается раз и навсегда.

О чем бы не писал Нилин в своих рассказах – о судьбе партизана, убитого в тайге («Хоронили моего дядю»), о великом враче Бурденко, о кряжистом и целеустремленном старике Завееве («Старик Завеев»), о спокойной уверенности в своей правоте и победе («Дом господина Эшке в городе Венёве») или о неистребимой, непостижимой любви к жизни («Тромб»), о неоднозначности и невероятной сложности человеческих взаимоотношений в рассказе «Дурь» – всюду прослеживается густая плотность и прочность бытия. Все его герои – и городские, и деревенские – крепко стоят на земле, связаны с ней духовными корнями.

Наличие темы, блестящая стилистика, слог, язык – да, это показатели серьезного творчества, большого таланта. И все-таки, наверно, не это является определяющим в писательстве. Так что же?..

Любовь. Умение писателя любить своих героев и донести эту любовь до читателя – определяет настоящего писателя. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими,

а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.» Слова апостола Павла, сказанные тысячи лет назад, можно в полной мере отнести к писательскому труду.

Павел Нилин любил своих героев. И в особенности это относилось к россыпи так называемых «женских рассказов». К героиням своим (кроме, пожалуй, Нонны из рассказа «Осень в Жухарях») он относился не просто с любовью, а трепетно, жалеючи. Но «любить» в народном понимании это и есть «жалеть».

Вот перед нами простая женщина Тоня из рассказа «Впервые замужем». Многим эта героиня знакома по одноименному фильму с Евгенией Глушенко в главной роли. Слово к слову, словно узор из простых ниток, выкладывает Нилин историю ее жизни. Никому не нужная, даже родной дочери, ненавидимая зятем, тихая, кроткая, работающая женщина рассказывает о себе просто, не желая произвести внешний эффект. А в финале рассказа получается как в песне: «Да как же это вышло-то, \ Что все шелками вышито \ Судьбы моей простое полотно». И радуешься за героиню, к которой пришло долгожданное счастье, когда ей уже далеко за сорок, и понимаешь, вбираешь сердцем, что люди – это не просто винтики в системе народного хозяйства. Что все мы разные, у каждого свой огромный мир мыслей и чувств, и у каждого за плечами – жизнь, правильная или неправильная, но одна-единственная и неповторимая, и что каждый достоин счастья и вправе на него надеяться.

«Милицейский протокол тоже умеет интриговать не хуже авантюрного романа», – однажды заметил Павел Нилин. Сколько черпал он сюжетов для своих рассказов из милицейской хроники. Не криминальной, а обыкновенной, бытовой. Но вся наша жизнь соткана из быта, и разве не интересно наблюдать, как одних быт ломает, утомляет и опошляет, а другие умудряются пронести сквозь него и цельность натуры, и свежесть чувств?..

«Все мы вышли из гоголевской шинели» – эти слова, сказанные Достоевским<sup>1</sup>, означали целый пласт прозы о «маленьком человеке». Но поведать о «маленьком», незаметном человеке так, чтобы он предстал в величии, или хотя бы был притягателен – на это нужен не только большой талант, но и большое внимание и любовь.

Рассказ «Счастливая женщина». Пожалуй, один из самых пронзительных рассказов Нилина. О женщине, для которой несчастье, приключившееся с ней – единственная возможность отдохнуть и, возможно, впервые в жизни почувствовать заботу окружающих. И она, преисполненная благодарности, чуть ли не плачет от умиления.

Скупыми, простыми словами писатель начинает рассказ, словно зачитывает милицейскую хронику:

*«После войны был принят суровый закон, по которому не явившиеся на работу или опоздавшие хотя бы на двадцать минут рабочие и служащие подвергались по суду серьезному наказанию, вплоть до тюремного заключения.*

*Поэтому Нюра Заботкина, санитарка Кунцевской районной больницы, больше всего боялась опоздать на работу. Уже немолодая женщина, оставшаяся с пятью детьми без мужа, убитого на войне, она каждый день вставала чуть свет, чтобы затопить печь, накормить детей, подоить козу. И спешила на поезд, на станцию Катуар. И все-таки ей ни разу не удалось войти в вагон пригородного поезда, так как к семи часам утра все вагоны уже набиты были до отказа такими же, как она, пассажирами, едущими на работу в Москву или в сторону Москвы. Нюре Заботкиной, в лучшем случае, удавалось пробиться только в тамбур. В худшем случае она ехала на подножке, держась за поручень...»*

Что сверхъестественного могут заключать в себе эти слова о какой-то санитарке районной больницы, боящейся опоздать на работу? И все же – зачин дан. Ощущение тревоги начинает нарастать.

Она умещается на подножке, за ее спиной виснут еще и еще – преимущественно мужчины, но она, заслоненная со спины, «висела теперь не последняя снаружи, и... не без некоторого наслаждения вдыхала крепкий запах мужского пота, пригорченного махоркой от

<sup>1</sup> Слова ошибочно приписываются Достоевскому. На самом деле их сказал французский журналист Э.Вог в беседе с писателем.

только что выкуренных на станции сигарок». Но поручень, за который она держится одной рукой, «вдруг стал совсем шатким. Он, видимо, выскальзывал уже из верхнего гнезда, из верхнего крепления...

– Оборвемся, – крикнула Нюра помимо воли своей. И услышала, как хрустнул поручень, и что-то зазвенело и лязгнуло вверх.

И этот звон и лязг были последними звуками, какие она услышала в это утро»...

Всего несколько абзацев, а картина безрадостной жизни – налицо. И тягостное вдовство Нюры, очерченное единой фразой: «не без некоторого наслаждения вдыхала...», и подкрадывающуюся старость, впрочем, которой она и не заметит, так же, как и уходящую молодость, потому что у нее за постоянной рабочей круговертью просто не будет времени их заметить.

И именно сейчас она счастлива тем, «что просто лежала, наслаждаясь покоем. Она слишком устала за эти десять лет, вернее, за пятнадцать, двадцать, двадцать пять лет или, еще вернее, за всю свою жизнь, с самого деревенского детства. Нежданно-негаданно ей выпал отдых в результате катастрофы. И она попала в привилегированное положение человека, за которым должны ухаживать, как она сама ухаживала за другими».

Сколько же надо мучиться, надрываться всю жизнь, не зная отдыха ни в юности, ни в зрелости (да и в старости не будет знать покоя! Не привыкло военное и послевоенное поколение к отдыху!), чтобы сейчас как подарок воспринимать вынужденную праздность?! Небольшой рассказ, а в нем – гимн «маленькому человеку», его незаметному труду и скромному величию. И так практически в любом произведении Павла Нилина – любовь и внимание к человеку.

Если человек хорошо делает свое дело – он настоящий поэт. «Хорошая сваха – поэт, хороший сапожник – поэт» Кажется, так звучала реплика из замечательного спектакля БДТ «Ханума». Павел Нилин, мастер прозы, был настоящим поэтом, он прекрасно делал свое дело, он любил его и имел полное право на слова:

*«Нет особого открытия, что нередко писатели, пишущие прозой, больше поэты по самой сути своих сочинений, чем те, что старательно нанизывают рифмованные строчки.*

*Что касается меня, то в мою жизнь поэзия вошла раньше, чем я узнал, что она называется поэзией. Она вошла, как, вероятно, и в сознание всех других людей, вместе с песенкой матери у моей колыбели и не угаснет у борта могиль».*

\*\*\*

... Кажется, я была единственной за все время существования пансионата, кто обратился к его руководству с просьбой... подарить мне книгу из библиотеки. Сонная сестра-хозяйка и секретарь директора воззрились на меня с изумлением. Естественно, мне отказали – слыханное ли дело: подарить казенную (правда, до этого никем не читанную) книгу неведомой отдыхающей девчонке! Но я была ребенком балованным, подключила к этому делу родителей, и все уладилось. Взамен рассказов Нилина мы водрузили на библиотечную полку книжку рецептов кондитерских изделий – так сказать, возместили ущерб и вернулись благополучно в город с вожденной книгой.

Я не жалею и сейчас, что поступила так. Я бы выкупила ее тысячу раз, если бы потребовалось. Книга, исполненная внимания к человеку, милосердия к нему, служащая заветам добра и гуманизма, не должна покрываться толстым слоем пыли и в конце концов быть отправленной на свалку. И несчастные мухи не должны биться в мутные окна, потому что в библиотеке не может быть грязных стекол. Они должны быть залиты светом и наполнены нежным пианиссимо переворачиваемых страниц, а не назойливым мушиным жужжаньем.

Мне очень хочется надеяться на это. Очень хочется...

---